

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Свое первое впечатление о Розмере я получила перед самым заходом солнца, последние лучи которого придали древним каменным фасадам розовато-золотистый оттенок. Поместье, бывшее в прошлом аббатством, предстало моим глазам обширным, но беспорядочным комплексом — со стенами, расчлененными на несколько ярусов карнизами, четким ритмом ризалитов с «елизаветинскими» окнами и двумя зубчатыми башнями, устремленными в темнеющее небо.

В этот миг все мои представления о родной матери поколебались. Я, конечно же, узнала усадьбу — по ее чудесным рисункам. Я узнала и лес, и сову, что, громко хлопая крыльями, выпорхнула из верхнего окна, и даже лисицу, которая шустро перебежала изрезанную колеями дорогу, заматая следы пушистым хвостом.

А я-то все это считала лишь плодом маминой фантазии...

Печаль, так и не заглохшая за месяц, что минул с ее кончины, снова острыми когтями заскребла по сердцу. И я уставилась в окно арендованного автомобиля. Как будто за стеклом могла вдруг появиться мама.

Моя добропорядочная, сдержанная, типично «английская» мама. Она никогда не рассказывала мне о своей жизни до Сан-Франциско, куда перебралась лет в двадцать с небольшим, и где познакомилась с моим будущим отцом, а потом вышла за него замуж. После моего появления на свет мама ста-

Барбара О'Нил

ла иллюстрировать детские книги и создала целую галерею невероятно детализированных рисунков девственного английского леса — то завораживающего и манящего, то грозного и пугающего.

Пока машина медленно продвигалась по рытвинам, я обзревала места, послужившие этим рисункам истоками. Все былые годы я полагала, что мама сбежала в Сан-Франциско из какого-то захолустного городка в поисках лучшей жизни. А теперь я удивлялась самой себе — с чего я такое надумала?

— Это тот самый дом? — спросила я шофера, мужчину лет шестидесяти в черной униформе, дополненной фуражкой и красивым галстуком; его нанял поверенный для того, чтобы встретить меня в аэропорту.

— Он самый, — заглушил мотор водитель.

Мы оба воззрились на громадный особняк. Его фасад оплетали плети неукротимого дикого винограда, в безудержном исступлении пытавшиеся заползти внутрь сквозь трещины в оконных стеклах.

— Сколько времени он пустует?

Шофер потер подбородок:

— Лет сорок, около того. Когда я был мальчишкой, в имении постоянно устраивались пикники и празднества. Очень пышные, на широкую ногу.

— А что же случилось?

— Сейчас, мисс, все задаются этим вопросом. Когда-то усадьба ширилась и процветала, жизнь бурлила в ней ключом. И вдруг все разом пошло прахом.

— А те люди, что здесь жили? Куда они подевались?

— Старая леди умерла, насколько мне помнится. А ее сын и дочь уехали за границу, да так и не вернулись.

Сын? Я даже не подозревала о существовании дяди. Сердце вновь затрепетало в волнении.

— Вы их помните?

— Конечно. Лорд Шоу, граф Розмерский, был мне ровесником. Но мы с ним не общались — разного полета пти-

Искусство наследования секретов

цы... А леди Каролина слыла необыкновенной красавицей. Правда, была себе на уме... Всегда держалась от родни особняком.

Каролина... Это он о моей матери!

Леди Каролина...

— Можем ехать в город, — сказала я. — Там меня ждут.

— Хорошо.

Глядя в боковое зеркало на удаляющуюся усадьбу — величественную и невообразимо огромную, но пришедшую в полное запустение, я почувствовала, как сердце опять защемила боль.

Мама... Почему ты скрывала все это от меня столько лет?

Мамин поверенный снял для меня номер в местной деревушке, Сент-Айвз-Кросс. Когда мы приехали туда, часов в шесть вечера, дверь гостиницы оказалась запертой, а само поселение утопало в темноте. В том разбитом состоянии, в котором пребывал мой организм, почти отключившийся от усталости и сбоя биоритма из-за смены часовых поясов, я мало что смогла разглядеть. Небольшие кирпичные домики с деревянным вторым этажом накренились над узкими улочками и островками света, отбрасываемого на асфальт фонарями. На центральной площади я разглядела старинную каменную вежу — указатель средневековой торговой общины. Из прочитанной когда-то статьи об истории рынков и торговых поселений я знала, что вежи подобного типа назывались «масляными крестами», и почему-то это вернуло меня из задумчивости на землю. Вечер выдался сырым и зябким, но я все равно уловила запах земли, пробуждавшей к жизни после зимы. Хотя на дворе стоял только февраль.

Водитель понес мой чемодан в гостиницу; я молча, как в тумане, пересиливая обострившуюся хромоту, последовала за ним.

И очутилась в крошечном холле; за стойкой регистрации не оказалось ни одной живой души. Стойка плавно вливалась в паб, где на меня откровенно, разве что не выпуская из рук кру-

Барбара О'Нил

жек с пивом, усталились немногочисленные посетители. Я кивнула, но на мое приветствие ответила лишь одна женщина.

Шофер протянул мне визитку:

— Позвоните, если вам что-то понадобится, леди Шоу.

В знак протеста против подобного обращения я помотала головой. Какая из меня леди! Однако суетливый шорох за спиной подсказал мне: постояльцы паба, трое мужчин и две женщины, расслышали мой титул и имя. Растерявшись, я поблагодарила водителя:

— Спасибо! Вы мне очень помогли.

Шофер коснулся пальцем фуражки. И я стала убирать его визитку в бумажник, моля Бога, чтобы за регистрационной стойкой появилась хоть какая-нибудь работница и дала мне ключ от номера прежде, чем я от истощения свалюсь с ног прямо в холле.

Бог услышал мои молитвы! Не прошло и минуты, как передо мной возникла тучная седая женщина, аккуратную короткую стрижку которой портили несколько непослушных прядок.

— Я могу вам помочь?

— Да. Меня зовут Оливия Шоу. Джонатан Хавер должен был забронировать для меня номер...

Оглядев меня с головы до ног, женщина сняла с крючка ключ и положила на стойку:

— Третий этаж. Наверх по лестнице и до конца.

Я крепко сжала трость.

— А лифта у вас нет? Мне не так-то легко пересчитывать ступеньки.

— Нужно было оговорить это при бронировании.

— Извините. Я не подумала, что...

— Гм... — этот возглас прозвучал как полноценное слово. И хотя в глазах уже все плыло от измождения, мне пришлось прикусить губу, чтобы не прыснуть со смеху. — Уже графиня, да? — скривила рот портье.

Будучи редактором весьма уважаемого и популярного кулинарного журнала, я привыкла путешествовать. И в поездках

Искусство наследования секретов

не раз сталкивалась с невоспитанными людьми. Но грубость этой особы граничила с хамством. Глубоко вдохнув, я процедила:

— Послушайте, я провела в дороге почти сутки, и подниматься по лестнице мне в данный момент проблематично, — «Проводить примиренческую политику надо со стальной твердостью в голосе!» — таков был мой девиз. — У вас имеется более доступный номер, или мне снова вызвать водителя, чтобы он отвез меня в другую гостиницу?

Седовласая грубиянка уставилась на меня. Враждебно, даже свирепо.

Какого черта?

Наконец, она схватила со стойки ключ, повесила его обратно на крючок, и сняла другой.

— Вы будете слышать шум в пабе, но петть там не начнут раньше пятницы, — перегнувшись через стойку, ехидна крикнула: — Аллен! Проводи леди до номера.

Из глубины бара вынырнул парень. Лет двадцати, не больше. Изящный и гибкий, как гепард.

— Здравствуйте, — подхватил он мой чемодан. — Нам сюда.

Нырнув под лестницу, мы прошли по извилистому коридору и пересекли чистенький обеденный зал, обставленный обитой чинцем* мебелью.

— Завтрак здесь, мисс, с семи утра. Ровно в девять зал закрывается.

— Благодарю.

Мы свернули в другой коридор и прошли до самого конца; провожатый распахнул передо мной широкую дверь, и, скользнув взглядом по уютному номеру, я с облегчением выдохнула.

— Прекрасная комната! Спасибо! — протянула я фунтовую монету Аллену.

* Чинц — лощеная хлопчатобумажная ткань с рисунком из цветов и птиц.

Барбара О'Нил

Тот с улыбкой опустил ее в карман:

— Не за что.

— А в пабе есть еда?

— Да, рыба с жареным картофелем. Такой вкуснятины вы здесь больше нигде не отведаете. Хотите — принесу вам порцию? Или бокал вина?

— Лучше пинту эля, — высказала я свое предпочтение, не сводя глаз с кресла с подлокотниками, стоявшего у каминной решетки.

— Я мухой, моя леди.

— Вам не нужно торо... — осеклась я. Парень уже исчез.

Но скоро, и правда, вернулся назад, с едой и элем. Аллен показал мне, как зажигать газовый камин, вручил клочок бумаги с паролем Wi-Fi и пообещал прислать кого-нибудь через час за подносом.

Лакомясь горячей, волокнистой рыбой, щедро приправленной солодовым уксусом (как подавала ее и моя мама), я ощутила невероятное облегчение — от того, что оказалась в этом комфортном гостиничном номере, далеко от чудовищного безумия, в котором протекала моя жизнь последние несколько месяцев.

Внезапная и окончательно подкосившая меня смерть матери стала последним ударом в череде бед и несчастий, обрушившихся на меня на тридцать восьмом году жизни. Началась эта черная полоса с автомобильной аварии; из-за перелома правой большеберцовой кости я больше не могла подниматься по лестнице в квартиру-лофт, которую шесть лет делила в Сан-Франциско со своим женихом Грантом. Поэтому временно, на период реабилитации, я переехала в дом на ранчо матери в Менло-Парке. В этом доме я выросла, и хотя мама не отличалась сентиментальностью и окрасила стены в детской спальне в зеленую полоску, на кухне и в ванной сохранилось достаточно следов моих отроческих лет, чтобы привести меня в уныние. Но еще сильнее угнетало то, что мне пришлось стеснить маму. А ей и так уже шел шестьдесят пятый

Искусство наследования секретов

год, и здоровье последние двадцать лет оставляло желать лучшего. А еще я злилась на Гранта за то, что он выбирался из нашей (а фактически *моей*) квартиры, чтобы меня навесить, всего раз или два за неделю.

Если честно, я и сейчас не перестала на него злиться. Я почти ничего не рассказала Гранту об этой поездке. Сказала лишь, что мне надо уладить кое-какие мамины дела. Возможно, пришло время порвать с Грантом, и мой отъезд подстегнул меня задуматься об этом. Но расставить все точки над «i» в наших отношениях мешало препятствие — время, точнее его острая нехватка. Травма и перенесенная затем операция принудили меня взять отпуск и пока оставить пост редактора в «Яйце и курице», одном из ведущих кулинарных журналов в стране. Я взяла отпуск на два месяца. А теперь счет перевалил уже за пятнадцать недель и грозил растянуться на гораздо больший срок.

Месяц назад я снова принялась писать и редактировать тексты — удаленно. Я действительно хотела вернуться к работе до того, как окончательно потеряю должность. Я любила свой журнал, вкусные, красиво сервированные кушанья и оригинальные рецепты их приготовления. И вкальвала без продыху, чтобы получить место редактора. Мне дышали в затылок многие коллеги. Кто добродушно, кто не очень. Но все они были такие же амбициозные, как я, и все мечтали занять мое место. Мне надо было вернуться к работе как можно скорее, иначе я могла его лишиться.

А последним ударом в этой полосе злоклучений и напастей стала смерть мамы. Сразу после Рождества она заболела пневмонией. Это было, в общем-то, неудивительно — маму десять лет преследовали проблемы с легкими. Но ее скоропостижная кончина стала для меня неожиданностью. Мама слегла за две недели.

А потом я обнаружила в мамином кабинете целую кучу срочных писем от ее поверенного в Англии. В них обсужда-

Барбара О'Нил

лись юридические вопросы, понятные, судя по всему, поверенному, но неподвластные моему разумению.

Эта находка побудила меня сделать звонок, а телефонный разговор вылился в поездку в эту унылую английскую деревушку и поедание рыбы с картошкой в номере небольшой гостиницы, где местные именовали меня «леди».

Пищи для размышлений оказалось предостаточно, и переварить все это было непросто.

Поэтому я сделала то, что делала с детства: попыталась все «заесть». Не в смысле — предаться обжорству. А просто перестать витать в облаках своих сбивчивых мыслей и опуститься на землю, сосредоточиться на пище и насладиться ее вкусом, сидя перед газовым камином.

Рыба оказалась свежей, корочка из панировочных сухарей аппетитно хрустела, толстые ломтики картофеля были мастерски посолены, а эль оттенка грецкого ореха имел свой подлинный и несравненный привкус, сбалансированный пивоварами на протяжении веков. Соль приятно щекотала нёбо, и мне вспомнилось эссе, которое М. Ф. К. Фишер написала о еде, отведанной в Париже в ожидании поезда. Ощущение приобщенности ко всему миру затмило горечь одиночества. Я почувствовала себя космополиткой; и впервые со дня маминой смерти испытала нечто сродни умиротворению. «А не написать ли об этом?» — подумалось мне. «Ну, если только поутру...», — одернула себя я. Пока же мне хотелось забыть обо всех жизненных невзгодах и на сытый желудок насладиться спокойствием, разливавшимся по телу.

Но мой мозг частенько проявлял упрямство. И когда я постаралась заснуть, он фанатично попытался сочинить шуточный стих на тему рыбы с чипсами. Для моего неадекватного состояния стишок получился на удивление славным. И я пообещала себе вспомнить и записать его утром.

Но поутру я этого не сделала. Возможно, к лучшему...

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Просту меня извинить, — прозвучал на следующее утро в телефоне хорошо модулированный голос поверенного, Джонатана Хавера. — Со мной все в порядке, только я действительно тут застрял.

Вздохнув, я постаралась сохранить тон спокойным:

— Понятно... Когда вы думаете вернуться?

— Боюсь, не раньше, чем через пару дней. Дороги от дождей сильно размыло. Мне ужасно жаль, что так вышло.

Я выглянула в окно; утро выдалось пасмурным.

— Всякое бывает. Вчера, по пути в гостиницу, я попросила водителя отвезти меня к усадьбе. Хотелось составить о ней представление.

— Понимаю. А я боялся, что столь долгое путешествие вас утомило.

— Да, я устала, мистер Хавер. Но мне не терпится все побыстрее урегулировать. Я еще не решила вопрос с продажей маминного дома в Калифорнии. И слишком долго отсутствовала на работе. Мне нужно вернуться, как можно скорее. Как мы поступим?

— Ну... — замялся Хавер. — Вы же видели, в каком состоянии дом.

— Там, откуда я приехала, никого не смущает наличие построек на земельном участке.

Барбара О'Нил

— Ох, моя дорогая! Боюсь, что ансамбль Розмер входит в список зданий исключительной архитектурной и исторической ценности. А это значит, что усадебный дом не только не подлежит сносу, но его также запрещено перестраивать и ремонтировать без согласия надзорной комиссии.

— С виду не похоже, что его можно отремонтировать.

— Все можно сделать, были бы время и деньги.

— Но вы же не думаете, что оно того стоит.

— Честно говоря, нет. Розмер пребывал в запустении сорок лет, и даже если укрепить стены и привести усадьбу в порядок, содержать ее будет чрезвычайно сложно и накладно. В доме более тридцати пяти комнат. Тридцать семь, если быть точным. Вообразите, сколько средств понадобится на их отопление. Одна крыша сожрет уйму денег. А еще придется бороться с сыростью, плесенью и...

— Так что вы предлагаете? Что можно сделать?

— Рано или поздно усадьба попросту обрушится...

Стоило мне только представить, как золотистые стены превращаются в руины, и сердце почему-то кольнула острая боль.

— Как долго жили в ней мамыны предки?

— Думаю, лет триста-четыреста.

Несколько веков! Ответ минувших времен заиграл бликами перед глазами; на несколько секунд я лишилась даже дара речи. И прежде чем нашлась, что сказать, в трубке снова забормотал мужской голос:

— Послушайте. Я введу вас подробно в курс дела при личной встрече. А пока я направляю к вам свою добрую знакомую. В собственности Ребекки Пул и ее супруга земельный участок, граничащий с Розмером. Она сможет ответить на часть ваших вопросов.

До звонка мистера Хавера я успела позавтракать — яичницей с фасолью и помидорами. Небо за окном грозилось дождем, но это не отбило у меня желания прогуляться. Мне нужно было размяться, снять напряжение с ног.

Искусство наследования секретов

Ночную дежурную уже сменила другая работница — милостивая девушка с ярко-голубыми глазами на лице Белоснежки. Едва я подошла к стойке, ее губы расплылись в приветливой улыбке:

— Доброе утро, леди Шоу! Меня зовут Сара. Хорошо ли вам у нас спалось?

Заморгав в неловком смущении, я махнула рукой:

— Пожалуйста, не обращайтесь ко мне так официально. Можно просто по имени — Оливия.

Улыбка Сары искривилась от недоумения:

— А мисс Шоу подойдет?

— Вполне.

— Я могу вам чем-либо помочь?

— Я собираюсь прогуляться, но поверенный обещал прислать для разговора со мной свою знакомую. Если она появится, попросите ее меня подождать. Я отлучусь ненадолго. Хорошо?

— Конечно. Не торопитесь! Правда... — Сара покосилась через плечо на окно со средником, — дождь грозит испортить вам прогулку. У вас есть зонтик?

В ответ я подняла привезенный с собой длинный и прочный зонт. Англию и Сан-Франциско сближало одно — приверженность дождливой погоде.

— Я под защитой! — заверила я Сару.

И вышла на улицу. Людей на пешеходной дорожке можно было перечесть по пальцам. Мужчина в свитере и кепке рыбака выгуливал маленькую собачонку в вязаном комбинезоне; ее короткие ножки быстро семенили за хозяином. Две женщины средних лет в непромокаемых дождевиках поспешно обегали магазины.

Как и всегда, свежий воздух приподнял мне настроение. Я всю жизнь предпочитала ходить пешком, привыкнув к подобному способу передвижения с детства — благодаря маме. Она проходила по несколько миль в день, а я частенько со-

проводила ее, вприпрыжку шагая сбоку. И, повзрослев, осталась «скороходом». (До той поры, пока не повредила ногу.)

В насыщенном влагой воздухе витал приятный, землистый аромат. Совсем недалеко, за «елизаветинскими» постройками, волнообразно дыбились живописные холмы. А сами дома выглядели так, словно могли в любую минуту «сложиться» под крытыми соломой крышами. Соломенные кровли меня удивили: я читала статью о дороговизне и горючести этого материала. К тому же, на вид они мне показались довольно тяжелыми.

Короткая узкая дорожка вывела меня на площадь — открытое, обсаженное деревьями пространство с «масляным крестом» в центре. Окружавшие ее по периметру узкие улицы были вымощены брусчаткой, ставшей со временем гладкой, скользкой и поблекшей до грязно-серого цвета. Машин на их проезжей части оказалось довольно много, особенно с одной стороны. Вдоль улиц тянулись магазины и лавки, перемежавшиеся с ресторанами, аптекой и ателье, в окне которого просматривались запыленные швейные машинки. На одном углу угнездился книжный магазин; выставленные в его витрине тома с разноцветными обложками, естественно, побудили меня подойти ближе. Магазин еще не открылся, но я пообещала себе вернуться позднее и покопаться на его полках. И еще больше воспряла духом.

А потом мой взгляд привлекла средневековая церковь, венчавшая пригорок на противоположной оконечности площади. И я направилась к ней, рассматривая по пути витрины. Вездесущая лавка с шерстяной пряжей, судя по виду, была открыта в тридцатые годы; магазинчик кухонной утвари заманивал покупателей ярко-бирюзовой посудой и мелкогабаритными бытовыми приборами; из булочной-кофейни разносился соблазнительный аромат, а пока еще закрытый индийский ресторанчик со столами, застеленными белыми скатертями, внезапно пробудил во мне тоску по любимым районам Сан-Франциско.

Искусство наследования секретов

Подойдя к церкви, я постояла, восхищаясь потемневшими надгробиями с полустертыми надписями. Потом завернула за угол и поднялась на небольшую смотровую площадку. И оттуда увидела Розмер, словно выраставший из леса. Расстояние скрывало все трещины и бреши, и от его великолепия у меня перехватило дух. Ровные ряды окон, величественные башни, окрестные просторы, словно затканые лоскутами зелени... Все это завораживало и волновало. А дом! Тридцать семь комнат! В самом большом доме, где мне прежде доводилось жить, их было всего восемь. Что можно делать на такой огромной площади?

Начал накрапывать мелкий дождик, и я открыла зонт — не в силах сдвинуться с места и оторвать глаза от Розмера. Даже не имея я к усадьбе никакого отношения, я все равно подпала бы под ее очарование. Разум силился осознать: это дом моих предков. Древний. Подернутый патиной времени. Прекрасный. И хранящий мамины тайны...

Когда я подходила к гостинице, дождь уже разошелся вовсю. Штанины моих джинсов по низу промокли насквозь.

Зайдя в холл, я стяхнула воду с зонтика. И в этот миг краем глаза заметила тень. Она стремительно неслась ко мне. Но — слава Богу! — я вовремя спохватилась. Развернувшись, я увидела перед собой огромного пса. Процарапав когтями пол, он внезапно прирос к нему лапами.

— Бернарда! — вскричала женщина, кинувшаяся вдогонку за пушистым ухоженным сенбернаром.

— Все в порядке. Он уже остановился.

Хозяйка сенбернара выглядела не менее ухоженной, чем ее питомец — стройная блондинка в толстой шерстяной тунике и леггинсах, засунутых в резиновые сапоги с причудливым цветочным узором.

— Добрый день! — обратилась она ко мне. — Вы, должно быть, Оливия? Джонатан — мой друг, он попросил меня вам помочь. Ему очень неловко из-за вашей сорвавшейся встречи. Меня зовут Ребекка Пул.

Барбара О'Нил

Я пожала протянутую мне руку; пальцы Ребекки оказались холодными.

— Здравствуйте!

— О, Господи, у вас молния!

— Молния? — полу-застенчиво, полу-смущенно прикоснулась я к правому глазу. Его голубую радужную оболочку прорезал по диагонали желтый зигзаг — знак, отметина, которую я истово ненавидела в детстве.

— Ваше семейство славится такими метками. Это не обязательно молния. Иногда бывает солнце вокруг зрачка, иногда еще что-нибудь. У многих сельчан тоже имеются отметины, — демонстрируя свою осведомленность, улыбнулась уголком рта Ребекка. — Метки богов... Разве вы не знаете?

— Это наша семейная черта? Наследственная? — моргнула растерянно я.

— Ну, да! Неужели матушка вам не рассказывала об этом?

— Вы не будете возражать, если мы присядем? А то нога... — вздохнула я.

Ребекка, наконец, заметила мою трость, и ее руки взмыли в воздух:

— О, простите! Разумеется! Правда, я запланировала с вами пообедать. Мне хотелось показать вам окрестности. Вы не против?

— Конечно, нет. Это было бы чудесно, благодарю вас, — подняла я палец: — Дайте только мне одну минутку...

— Да-да, пожалуйста.

Опустившись в кресло в крошечном холле, я потеряла уплотнение чуть ниже коленки:

— Мне еще нужно захватить сумку и телефон.

— Пусть за ними ходит Сара, хорошо?

Пока я терла колено, пес уселся рядом и вперил в меня глаза цвета виски. С надеждой во взгляде, он обнюхал мое запястье — очень вежливо и не пуская слюночек, как делают многие сенбернары.